

894
0325

ПОСЛУШНИЦА
ЛЮБОВЬ.

СОСТАВИЛЪ
Протоіерей В. Розаліевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.
Черкешенка Наго и ея происхожденіе; отецъ мученикъ; страдаія семейства; Побѣгъ. Вторичное рабство и вторичный побѣгъ. Крещеніе Наго съ именемъ Любви. Любовь—послушница Ставропольскаго Іоанно-Маріинскаго монастыря; ея воспитаніе здѣсь,—ея молитва, постъ, борьба съ помыслами. Болѣзни, смерть и погребеніе Любви.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.
Типо-литографія В. Просвирнина, телеф. № 21.
1899.

ПОСЛУШНИЦА ЛЮБОВЬ.

17-го октября 1862 года, въ Ставропольскомъ Іоанно-маріинскомъ дѣвичьемъ монастырѣ воспріяла св. крещеніе одна молодая черешенка, по имени Наго, явившаяся въ г. Ставрополь за нѣсколько предъ симъ недѣль. Семнадцатилѣтняя дѣвица отличается замѣчательными способностями отъ природы и искреннею любовью къ христіанству. Бывъ прислана благочиннымъ въ поименованный монастырь подъ руководство достойной его игуменіи Серафимы и мое, Наго въ короткое время усвоила себѣ основныя истины христіанства и изучила молитвы. Святую любовь свою къ христіанству заявила она усердіемъ къ молитвѣ и неотступною просьбою о сокращеніи срока для ея крещенія. Особенно, когда Наго заболѣла лихорадкою, на монастырскомъ гребнѣ, по преимуществу злою и неотвязчивою: тогда, можно сказать, каждый лихорадочный пароксизмъ былъ для нея случаемъ къ возобновленію этой просьбы. Юная агница боялась умереть внѣ союза съ Агнцемъ—Христомъ,—боялась питомица дикихъ горъ перейти въ міръ загробный неомытою въ водахъ св. купѣли!

Но не этимъ однимъ возбуждено наше сочувствіе къ дѣвицѣ Наго, хотя и этого достаточно, чтобы благословить имя Господа, приѣмлющаго въ благодатное царство свое и отъ языкъ. Главный интересъ Наго—въ печальной и умиленной ея повѣсти о себѣ самой объ отцѣ и матери, о сестрахъ и братьяхъ, относительно ея рѣшимости принять христіанскую вѣру.

«Отецъ мой» рассказывала Наго «родился въ Черноморѣ и у моего дѣда былъ единственнымъ сыномъ. Лѣтъ двадцати онъ исправ-

2024418827

лялъ уже должность урядника Черноморскаго казачества, былъ молодецъ собою и хорошо зналъ русскую грамоту. Въ одно время (лѣтъ 25 тому назадъ), шапсуги напали на станицу, въ которой жилъ отецъ мой, и, въ числѣ добычи, увлекли съ собою и его, тяжело раненнаго. Потому ли, что онъ отличался красотою и храбростію (а черкесы особенно уважаютъ эти свойства), или потому, что князь самъ лично взялъ его въ плѣнъ, только, по прибытіи въ горы, ему пришлось быть въ числѣ рабовъ самого князя шапсугскаго и, во все время пребыванія своего у шапсуговъ, называться псыготъ, т. е. добыча его князя. Чтобы молодого плѣнника привязать къ себѣ и къ чужой сторонѣ, князь прежде всего позаботился женить его. Въ надеждѣ ли, что время измѣнитъ понятія плѣнника, или что самъ плѣнникъ поддастся влиянію молодой жены и обычаямъ чужой стороны, только князь, при женитбѣ моего отца, не принималъ никакихъ стѣснительныхъ мѣръ для обращенія его изъ христіанства въ магометанство. Итакъ отецъ мой женился, полюбилъ свою жену и прижилъ съ нею, кромѣ меня, еще двухъ сестеръ и двухъ братьевъ. Не знаю, какъ отецъ мой хранилъ христіанство въ первые годы супружества и въ какой степени былъ вѣренъ религіознымъ убѣжденіямъ своего дѣтства: но сколько помню, онъ никогда не ходилъ въ мечеть, хотя открыто не порицалъ магометанства. Такое поведеніе моего отца, естественно, не нравилось нашимъ сосѣдямъ. За то, сколько слышала я отъ матери и замѣчала сама, домъ нашъ всегда находился подъ особымъ надзоромъ. Не смотря однако ни на что, отецъ нашъ не опускалъ случая бесѣдовать съ нами наединѣ о вѣрѣ христіанской. И влияніе его на нашу семью въ этомъ отношеніи было такъ сильно, что даже и мать наша не только не могла противодѣйствовать ему, но и сама непримѣтно подалась его силѣ. Въ саклѣ мы рѣже молились Богу по христіански, ибо, сколь ни отваженъ былъ мой отецъ, все же однако боялся пристра и подслушанія сосѣдей. Чаше молились мы внѣ сакли, вдали отъ аула. Бывало, батюшка возьметъ когонибудь изъ насъ за руку или скажетъ «пойдемъ со мною»,—и мы напередъ уже знали, что надобно идти либо въ труппу лѣса, либо подъ какуюнибудь скалу, чтобы тамъ помолиться порусски. Такъ текла наша жизнь! мы росли и подрастали, а одна изъ моихъ сестеръ была выдана замужъ.

«За нѣсколько времени до своей смерти, отецъ нашъ сдѣлался

замѣтно серьезнѣе и печальнѣе. Предчувствовалъ-ли онъ плачевную свою кончину, недоволенъ ли былъ собою, или давила его тоска по родинѣ,—не знаю: только наконецъ сталъ онъ открыто (по временамъ смягчая слова свои лишь тономъ шутки или улыбкою) называть себя христіаниномъ и говорилъ, что магометанство—вѣроисповѣданіе ложное и что истинное несчастіе у него одно, это горы. Понятно, что—подозрѣніе сосѣдей относительно нашего вѣроисповѣданія перешло послѣ этого въ полную увѣренность, а недоброжелательство ихъ—въ прямую ненависть ко всему нашему семейству, особенно же къ отцу, въ которомъ они видѣли не только ненавистнаго христіанина, но и готоваго бѣжать гяура. «Что ты дѣлаешь?—говаривала, бывало, мать нашему отцу. Своею откровенностію ты вѣдь погубишь и себя и насъ». Печальныя предчувствія матери сбылись вполне и, къ несчастію, гораздо ранѣе, чѣмъ она предполагала.

«Въ одно время (пять лѣтъ тому назадъ), когда отецъ нашъ, сидя въ саклѣ, съ особеннымъ какимъ-то увлеченіемъ бесѣдовалъ съ нами о христіанствѣ, входитъ шапсугъ и, послѣ обычнаго привѣтствія, садится близь него. Шапсугъ этотъ и прежде нерѣдко бывалъ у насъ, а потому отецъ мой принялъ его, какъ хорошаго знакомаго. Завели они какой-то разговоръ, и всѣ мы были спокойны. Но вдругъ... Шапсугъ схватилъ отца моего за руки, закричалъ съ какимъ-то визгомъ и, на крикъ его, въ нашу саклю вломилась цѣлая толпа другихъ шапсуговъ, которые, какъ оказалось впоследствии, подслушивали разговоръ ихъ. Отца моего повалили, били, плевали на него и, послѣ многихъ смертныхъ ранъ, наконецъ, какъ бы въ посмѣяніе кресту, отсѣкли у него правую руку, которую онъ налагалъ на себѣ знаменіе креста. «Вотъ тебѣ, проклятый гяуръ, награда отъ Христа»,—неистово кричали они, выходя изъ сакли. Когда, послѣ убійства, мать моя вошла въ саклю, изъ которой была вытолкнута во время кроваваго событія съ отцемъ, отецъ мой еще дышалъ. Тускнувшимъ взоромъ далъ онъ знакъ матери, чтобы она осѣнила его знаменіемъ креста. У матери отъ рыданій надрывалась грудь, но она съ любовію исполнила волю умирающаго и крестила его до тѣхъ поръ пока страдалецъ не испустилъ послѣдняго дыханія.

«Съ смертію отца начались и наши открытыя страданія. Злоба нашихъ враговъ не удовлетворилась одною жертвою. Съ корнемъ хо-

тѣли они истребить и вѣтви. Злодѣи начали съ того, что разрознили насъ одного съ другимъ или разсѣяли. Такъ какъ мать моя, въ то время, имѣла у себя груднаго ребенка, меньшаго нашего брата, то ее отдали въ кормилицы къ одному изъ шапсуговъ. Двухъ моихъ сестеръ и съ ними зятя, по подозрѣнію послѣдняго въ христіанствѣ, продали въ Турцію. Только старшему нашему брату, одному изъ всѣхъ насъ, какъ-то удалось скрыться отъ преслѣдователей. Но гдѣ онъ теперь и что съ нимъ дѣлается, ни я, ни мать моя ничего не знаемъ. Впрочемъ мать однажды сказала мнѣ, что сама дала ему совѣтъ—бѣжать въ Русь и тамъ креститься. Меня (тогда было мнѣ лѣтъ двѣнадцать) въ теченіи пятилѣтія, то есть со смерти отца моего до времени моего побѣга, перепродавали нѣсколько разъ. Переходя изъ рукъ въ руки, отъ хозяина къ хозяину, наконецъ я привыкла уже смотрѣть на себя, какъ на предметъ рыночной торговли. Много, много пережила я горя—въ теченіи этихъ пяти лѣтъ!

«Какъ ни велики были, впрочемъ, мои и материны страданія, мы имѣли по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что по временамъ могли видѣть другъ друга, такъ какъ находились съ нею въ одномъ аулѣ. Правда насъ рѣдко оставляли наединѣ: но и эти рѣдкія и краткія минуты уединенія,—кромѣ того, что давали намъ возможность сколько нибудь свободно излить свою скорбь,—не проходили для меня безъ пользы. Наединѣ добрая мать моя больше всего занята была будущею моею судьбою и обыкновенно твердила мнѣ: «бѣги, Наго, въ Русь и крестись тамъ». Въ одну изъ такихъ минутъ (недѣли за двѣ до моего побѣга), она съ какою-то особенною грустью сказала мнѣ: «что будемъ дѣлать, Наго? Ты—невѣста уже. Тебя хотятъ продать въ марушки. Если это сбудется,—все пропало,—и ты, и память отца твоего!» Потомъ, подумавъ немного, съ рѣшительностію прибавила: «бѣги скорѣе, бѣги непременно. Если представится тебѣ удобный случай къ побѣгу, а нельзя будетъ придти ко мнѣ, чтобы проститься,—бѣги такъ. Сердитесь за это не буду.

«Аулъ, гдѣ жила я съ матерію, отстоитъ отъ Абина, какъ мнѣ было извѣстно, менѣе, чѣмъ на день верховой ѣзды; но дороги къ Абину я рѣшительно не знала. Впрочемъ неизвѣстность эта мало покоила меня. По той мѣрѣ, какъ возобновлялась и оживлялась въ душѣ моей картина страшнаго суда, необѣщающаго ничего, кромѣ от-

верженія, магомстанству,—о чемъ особенно любилъ говорить намъ отецъ,—и какъ возрастало во мнѣ опасеніе быть проданною въ марушки какому нибудь шапсугу,—во мнѣ съ каждымъ днемъ крѣпла рѣшимость бѣжать, и прояснялась надежда, что Богъ русскій укажетъ мнѣ путь. Указываетъ же Онъ путь птицамъ небеснымъ! Летятъ онѣ, безъ проводника, сами по себѣ, гдѣ имъ тепло и куда нужно! Вотъ наконецъ насталъ роковой вечеръ. Когда хозяинъ мой и его семья, улеглись, я потихоньку вышла со двора. Небо было звѣздное. Взглянула я на него и невольно стала молиться. «Богъ русскій, сказала я, отецъ мой умеръ за Тебя. Проведи меня, куда посылаетъ мать». Взглянула я и на то мѣсто, гдѣ жила несчастная моя мать, поклонилась ему издали до самой земли и, въ горькихъ слезахъ, пошла впередъ, но не по дорогѣ, а прямо лѣсомъ. Шла или, лучше, бѣжала я цѣлую ночь безъ отдыха. На ногахъ у меня были только однѣ, и то избытыя уже, чевячки. Отъ пней, валежника и кустарника изодрала я ноги свои до крови по самыя колѣна. Стало свѣтать. Почувствовавъ утомленіе, я присѣла отдохнуть у большой свалившейся груши. Сколько прошло времени моего отдыха, опредѣленно сказать не могу. Только совсѣмъ уже разсвѣло, и я готовилась было опять въ путь. Вдругъ.... слышу позади себя шумъ и крикъ. Замерло мое сердце отъ ужаса. Погоня? погибла я! Ахъ, тяжела была эта минута! Свернувшись подлѣ груши, лежала я ни живая, ни мертвая. Вотъ когда особенно нужно было мнѣ Божіе заступленіе! И оно явилось. Шумъ становился все слышнѣе и слышнѣе, погоня—ближе. Стала я уже различать и голоса. Въ числѣ ихъ былъ голосъ хозяина моего и его знакомыхъ. Погоня раздѣлена была, какъ замѣтила я по долетавшимъ до меня голосамъ, на двѣ партіи. Въ каждой были и пѣшіе и конные. Обѣ партіи проѣхали вблизи дерева, у котораго я лежала, но проѣхали и прошли такъ, что одна была по правую, а другая—по лѣвую сторону, а я находилась посреди ихъ. Никто не обратилъ вниманія на лежавшее дерево, даже не вѣкнула ни одна собака. «Наго, Наго! Если ты—здѣсь, выдѣ, не бойся, мы не тронемъ тебя»,—послышались голоса вблизи, но уже впереди всѣхъ меня людей. Кто, думаете вы, такъ звалъ меня? Въ числѣ прочихъ и моя мать! Замѣтившіе мой побѣгъ вѣроятно бросились къ матери. Не нашедши же меня у ней, навѣрное, увлекли и ее въ погоню. Ясно слышала я го-

лось моей матери; звуки его болѣзненно отозвались въ моемъ сердцѣ. Но во мнѣ, какъ молнія, блеснула мысль, что мать моя потому только зоветъ меня, что ее заставляютъ звать. Между тѣмъ погоня ушла уже далеко впередъ; такъ что не слышно было ни шума, ни голосовъ: но я пролежала у дерева неподвижно почти до вечера. Затѣмъ встала, перекрестилась и съ словами—«великъ Богъ отца моего»,—пошла впередъ. Не долго шла я, и еще не смеркло, какъ предо мною открылась поляна, на которой нѣсколько шапсуговъ занимались уборкою сѣна. Не вдаль отъ нихъ пришлось мнѣ идти; но никто изъ нихъ не окликнулъ меня, никто не остановилъ. А быть не могло, чтобы утрення погоня за мною не встрѣтилась съ этими уборщиками сѣна и не рассказала имъ о своемъ дѣлѣ. Дивилась я и дивлюсь тому, что совершилось со мною, благодарила и благодарю Бога отца моего. Шла я, безъ отдыха, и другую ночь и къ обѣду достигла до Абина. Двое сутокъ, кромѣ зелій не ѣла я ничего. Силы мои истощились. Слабый вѣтерокъ колебалъ меня. Съ трудомъ перешла я передъ Абиномъ рѣку и явилась къ начальнику крѣпости. Когда я рассказала, въ чемъ дѣло; русскіе обмыли теплою водою опухшія и окровавленные мои ноги, напоили меня чаемъ и накормили. Да воздастъ Господь Богъ начальнику крѣпости за привѣтъ его! Черезъ два дня послѣ того я съ колонною отправлена была въ Адагумъ».

Казалось бы, со вступленіемъ Наго въ предѣлы Россіи, надлежало окончиться ея страданіямъ и прекратиться рабству въ нѣдрѣхъ свободы: но на дѣлѣ вышло не такъ: не до дна, видно, еще несчастная испила чашу скорби! Ей выпалъ жребій снова быть проданною, снова сдѣлаться рабою, хотя, на этотъ разъ, и не шапсуга! Въ официальномъ донесеніи о ней отъ правленія 2-й казачьей бригады главному штабу сказано такъ: «Наго показала, что она—раба армянина Хаута Пшегутова, живущаго въ Артавирскомъ аулѣ, продана была ему, противъ ея воли, неизвѣстными шапсугами, жила у него четыре мѣсяца, терпѣла разныя притѣсненія и наконецъ бѣжала въ Прочный окопъ, гдѣ явилась тамъ въ правленіе бригады». Очевидно, здѣсь есть недомолвки противъ истиннаго событія, которыя произошли, какъ объяснила Наго, отъ ея робости при показаніи. Съ особенною благодарностію Наго воспоминаетъ о священникѣ станицы Прочноокопной и о какомъ-то тамошнемъ же полковникѣ (вѣроятно г. Атарцаковѣ),

которыя приняли въ ней участіе, дали ей средства добраться до г. Ставрополя и, при участіи начальника главнаго штаба, явиться въ консисторію.

Эта-то самая черкешенка 17-го октября 1862 года и крещена была предъ литургіею въ Иоанно-Маріинскомъ Ставропольскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и наречена Любовію.

Торжественно и высоко-умилительно было крещеніе страдальцы. Поставлена была купѣль, недалеко отъ амвона, противъ отверстыхъ царскихъ вратъ. Передъ купѣлью ярко горѣли три свѣтильника. За купѣлью стояли воспріемниками—градской благочинный, почтенный протоіерей, о. Ѳеодоръ Поспѣловъ, и мать игуменія Серафима. По бокамъ—хоръ клирошанокъ, назади—болѣе 200 дѣвственницъ, посвятившихъ себя служенію чистоты, и много другихъ изъ города. Для насъ, недостойныхъ служителей таинства, приготовлены самыя лучшія облаченія, бѣлыя, какъ снѣгъ. Новопросвѣщенную отъ купѣли одѣли въ бѣлѣйшее платье. Бѣлымъ вуалемъ полузакрѣта была и ея голова. Невольно восторгаешься чувствомъ, при воспоминаніи той минуты, въ которую до сорока дѣвственницъ, въ честь новопросвѣщенной, запѣли гласы преподобными это величественное и вмѣстѣ глубоко знаменательное: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся. Аллилуіа*. Во время духовнаго ликованія Церкви по сему случаю, не одна слеза умиленія скатилась на ланиты дѣвственницъ. За литургіею новопросвѣщенная Любовь причастилась св. Христовыхъ таинъ, бывъ подведена къ св. чашѣ матерію игуменьею. По окончаніи литургіи, мать игуменія съ о. протоіереемъ Поспѣловымъ, въ преднесеніи свѣтильниковъ, новопросвѣщенную привела въ свои покои. Слова догматика,—«и заблудшее, горохищное обрѣтъ овца, на рамо воспріимъ ко Отцу принесе», эти слова, умилительныя всегда, а на этотъ разъ особенно, во время шествія новопросвѣщенной изъ церкви, пропѣтыя клирошанками, довершили духовное торжесво того дня.

Совершивъ подъ знаменіями промысла Божія тяжелое свое путешествіе, новопросвѣщенная Любовь не лишена была явныхъ знаковъ Божія попеченія о ней и во время крещенія. Омывъ водою св. купѣли душевныя свои нечистоты, она вмѣстѣ съ тѣмъ обрѣла въ ней дивное врачество и тѣлеснаго своего недуга. Лихорадка ея, до крещенія возобновлявшаяся въ извѣстное время постоянно и доведшая ее

до крайняго истощанія (что и было причиною сокращенія срока для ея крещенія), по крещеніи болѣе не возобновлялась. Души вѣрующія и ожидали этого.

Тогда-же повѣдали мнѣ и о другомъ знаменіи Божія благоволенія къ Любви, бывшемъ во время крещенія ея. Вотъ что повѣдали мнѣ, вскорѣ по крещеніи ея, двѣ глубокия и всякаго вѣроятія достойныя старицы нашей обители.

«Батюшка, а батюшка!» спросила меня одна изъ нихъ, шестьдесятъ лѣтъ слѣпотствующая. «Когда сходитъ на крещаемыхъ благодать святаго крещенія?»—Не зная повода, по которому она предложила мнѣ такой вопросъ, я удивился ея любознательности, и потому, въ свою очередь, спросилъ ее: къ чему вы, матушка, любопытствуете объ этомъ? Къ славѣ ли Божіей эта пытливость ваша? Полезна-ли она вамъ?—«Еслибы не было нужно», серьезно отвѣчала старица, «я бы васъ и не беспокоила. Я, во всю мою жизнь, не бывала при крещеніи: вотъ это только въ первый разъ». Чтобы удовлетворить старицу, я указалъ ей на минуту троекратнаго погруженія крещаемого въ воду.—«Нѣтъ, нѣтъ», быстро замѣтила она, «не тогда». А когда же?—«Да въ то время, когда вы, почему-то долго помолчавъ, (тайная молитва священническая), вдругъ и велегласно произнесли затѣмъ: *велий еси, Господи, и чудна дѣла Твоя...* Вотъ, въ это-то самое время и сходитъ благодать Св. Духа при крещеніи». Почему же вы матушка, такъ утвердительно говорите объ этомъ?—«Какъ почему? Вѣдь, батюшка, лишь только вы сказали: *велий еси, Господи, и чудна дѣла Твоя*,—какъ, въ тоже самое мгновеніе, храмъ такъ и наполнился благоуханіемъ. И таково было благоуханіе это, что на землѣ ни къ чему, ни къ чему не примѣнить его. Запахъ отъ цвѣтовъ или отъ духовъ предъ этимъ благоуханіемъ—ровно ничего. А вы, батюшка, ужели не слышали сами этого благоуханія?» спросила старица. Нѣтъ, отвѣчалъ я. «Какъ-же это такъ?» въ раздумьи замѣтила старица. «Впрочемъ», какбы про себя продолжала она, «и немудрено; иначе вы не въ силахъ были бы докончить крещенія. Мое дѣло было стороннее; нужно было стоять только, да молиться. Но и то, когда благодать-то Божія наполнила храмъ, я не въ состояніи была и шевельнуться, не могла промолвить ни одного слова, и не знаю, дышала ли я въ ту пору. Вамъ-же нужно было дѣйствовать, читать и понимать, чтобы блюсти

порядокъ священнодѣйствія». Сложивъ, что сказала мнѣ старица, въ сердцѣ своемъ, я спросилъ ее: слышали ли вы, матушка, какъ слово Божіе повѣствуетъ намъ о явленіи Божіемъ пророку Или на горѣ Хоривѣ?—«Какъ не слышать!»—Помните же ли вы, послѣ сколькихъ и какихъ знаменій Господь-то явился человѣку Божію? Прежде, чѣмъ Господь прошелъ мимо Или, какъ обѣщался ему, поднялась сперва буря, которая трясла гору и сокрушала камни, потомъ за бурю послѣдовало землетресеніе,—за тресеніемъ земли—огонь, и однако Господь-то все еще и тутъ не проходилъ. Все это были еще передовые, такъ сказать, вѣстники приближенія Господня. А Господь-то прошелъ уже послѣ—*во мечь глада тонка*, въ невозмущаемой тишинѣ, такъ что шествіе Его могло быть слышано и чувствовемо только нарочито приготовленнымъ къ тому тонкимъ и, безъ сомнѣнія, болѣе духовнымъ, чѣмъ чувственнымъ слухомъ пророка Божія. «Къ чему же эту рѣчь, батюшка, повели вы?» спросила старица.—Къ тому, матушка, чтобы подобнымъ сближеніемъ показать вамъ, что и слышанное или ощущаемое вами благоуханіе во храмѣ, при крещеніи черкешенки, было, такъ сказать, только передовымъ еще, хотя и благоволительнымъ, знаменіемъ благодати Божіей, имѣвшей сойти на нее, но отнюдь не самою благодатию, св. крещеніемъ подаваемою. Благодать сія, по ученію православной Церкви Христовой, сходитъ въ ту именно пору, о которой я сказалъ вамъ, и, какъ въ таинствѣ, сходитъ она обыкновенно таинственно, т. е. сокровенно, незримо и неслышимо даже для самого совершителя таинства, подобно тому, какъ и обыкновенный младенецъ зачинается, развивается и укрѣпляется во чревѣ матери сокровенно отъ самой матери, хотъ и не безъ прямаго ея участія. Мнѣ думается, что настоящее знаменіе это дано вамъ отъ Господа затѣмъ, чтобы чрезъ васъ прославить страдальцу и вмѣстѣ вразумить насъ, какъ мы ее должны любить, жалѣть и блюсти. Этотъ разговоръ нашъ съ почтенною старицею П. происходилъ передъ вечернею въ день крещенія послушницы Любви.

Другая старица О..., столько же достопочтенная, подарила меня радостною въ томъ же именно родѣ вѣстію тотчасъ послѣ вечерни. Не смотря на близящіяся 70 лѣтъ, она никакъ и доселѣ не соглашается оставить монастырское послушаніе и жить на покое. Послѣ вечерни, когда вышелъ я изъ ограды, она остановила меня и попро-

сила выслушать ея тайну. Утирая рукавомъ слезы, съ чувствомъ глубокаго умиленія она сказала мнѣ: «эхъ, батюшка, батюшка, черкешенка-то наша Богу-то видно очень угодна!»—А что, матушка?—«какъ что? Кого же такъ Господь прославляетъ, какъ нынѣ Онъ прославилъ ее? Въ мои долгія лѣта, сколько разъ я была кумою, сколько разъ запросто и такъ бывала при крещеніи, а ничего подобнаго никогда не было».—Что же было нынѣ-то особеннаго? спросилъ я. По крайней мѣрѣ, я ничего не замѣтилъ: все шло обычнымъ порядкомъ.—«Нѣтъ, нѣтъ», прервала она; «вы, батюшка, только шутите надъ старухой». Нисколько матушка, съ твердостью замѣтилъ я. Я очень помню, кто я и кто вы, и остановился съ вами, чтобы со вниманіемъ выслушать вашу тайну, какова бы она ни была. Тутъ краска выступила у старицы на морщинистыхъ щекахъ ея, и она упала мнѣ въ ноги. Я послѣшилъ поднять ее.—«Ты что-то, родная, хочешь мнѣ сказать особенное?»—съ любовью спросилъ я ее. «Я бы, батюшка, все плакала, всѣмъ бы кланялась въ ноги, всѣхъ бы обнимала и, какъ ребенокъ, прыгала бы». Что же, скажи мнѣ, что такое случилось съ тобою? «Гдѣ со мною? Кто я, что я, окаянная»? Съ кѣмъ же?—«Съ новокрещенною Любовью, батюшка». Старица опять упала мнѣ въ ноги и, когда я снова поднималъ ее, она съ чувствомъ смиренія повѣдала мнѣ: «батюшка, батюшка, послѣ того, какъ ты предъ купѣлю, прочитавъ тайную молитву, громко возгласилъ: *велий еси, Господи, и чудна дѣла Твоя...*, такое вдругъ распространилось благоуханіе по храму, какого нигдѣ, никогда не только не ощущала я, но и вообразить не могла. У меня захватило дыханіе! затрепетало сердце, во все время крещенія, я только и могла говорить въ душѣ моей: Господи, помилуй! Господи, помилуй. Дѣйствительно, батюшка, и доселѣ не знаю, гдѣ я тогда была—на землѣ, или на небѣ. И доселѣ не уйму слезъ: такъ сами и просятся изъ глазъ! А на сердцѣ-то между тѣмъ такъ хорошо, такъ тепло, тепло! О, Батюшка Ты нашъ, Отецъ небесный! въ восторгѣ сердца, произнесла старица, поднимавъ полныя слезъ глаза свои къ небесамъ. «Воистину *велий еси Ты, воистину чудны дѣла Твои: помилуй Ты насъ грѣшныхъ!*»—Полный восторга духовнаго, въ какой привелъ меня рассказъ старицы, не безъ трепета я сказалъ ей: что ты видѣла нынѣ, сложи, матушка, въ сердцѣ своемъ и не расглашай. Помни, крѣпко помни, что это было не для тебя. Господь здѣсь прос-

лавляетъ страданицу, а вмѣстѣ и святое мѣсто сіе. Часто ли св. Церковь имѣетъ утѣшеніе крестить такихъ лицъ, какъ мы нынѣ крестили черкешенку? Подумай-ка, матушка, кто она: она—дочь плѣнника а потомъ едва-ли не мученика. Отроческія лѣта свои провела всѣ въ тяжкой неволѣ. Чтобы сохранить вѣру отца своего, она оставила мать свою и бѣжала въ страну, ей неизвѣстную. Дорогой была перепродана, снова терпѣла неволю, нужды, побои. Часто-ли бываетъ и такое духовное торжество, какъ было у насъ при крещеніи Любви? Вѣдь до 300 дѣвственницъ стояли у купѣли ея и благоговѣнно, трепетно молились за новопріобрѣтенную сестру свою—страданицу. Удивительно-ли, что Господь милосердный и явилъ намъ знаменіе своего милосердія ради такой новопросвѣщенной и ради такого духовнаго торжества во святой обители нашей? Старица опять упала мнѣ въ ноги и, вставъ, облитая вся слезами, съ силою произнесла: «есть, есть изъ-за чего всѣмъ пожертвовать Господу. Если и на землѣ бываетъ такъ хорошо иногда: что же будетъ тамъ—на небѣ? *Велий еси, Господи, и чудна дѣла Твоя*, произнесла она торжественно, и затѣмъ скороговоркою едва слышно добавила: «дышала бы, дышала бы, батюшка, этими словами до гробовой доски. Такъ они сладки, такъ сами собою и возвращаются въ душѣ! Все сердце таетъ отъ нихъ и претворяется въ слезы, и въ какія сладкія слезы!»—Въ томъ-то, матушка, и величіе Бога нашего, замѣтилъ я, тѣмъ-то и чудны дѣла Его, что, не смотря на ничтожность человѣческую и наши грѣхи, коими мы—человѣки—такъ часто оскорбляемъ Его, Онъ не покидаетъ насъ, не оставляетъ являть знаменіе своего милосердія и отеческаго попеченія о насъ. Благословимъ же Господа, благодѣющаго намъ, поблагодаримъ Его.—Старица снова упала къ моимъ ногамъ. Благословивъ ее, ницъ повергшуюся, я, полный духовнаго умиленія и радости, отправился въ свою квартиру, тутъ же противъ святыхъ воротъ находящуюся *).

Да, Любовь наша, думалъ я про себя,—прекрасный младенецъ Христовъ, но пока еще младенецъ. Чтобы не поблѣетъ, не зачахъ этотъ младенецъ, ему нужны мать и молоко—дыханіе привѣта и любви, пища духовная и руководящій совѣтъ. Любви, когда крестилась

*) Во время крещенія у Любви измѣнился и цвѣтъ лица: изъ красноватаго оно сдѣлалось бѣлымъ и такимъ осталось до смерти ея. Это—фактъ, извѣстный всей обители.

она, было уже 17 лѣтъ: въ дѣвическомъ возрастѣ пора эта—пора критическая, переходная. Что-то, продолжалъ я въ думахъ своихъ, что-то будетъ съ нею? Какъ-то Господь устроить ея? Куда-то поведетъ? Уневѣститъ ли ее Себѣ навсегда и укажетъ ей мѣсто покоя и труда въ обители, или поведетъ ее по иному пути жизни? — Милосердый Отецъ небесный во всеблагомъ промысленіи своемъ судилъ Любви навсегда остаться въ обители. У насъ она крестилась; среди насъ жила и умерла.

Любовь отличалась умомъ воспримчивымъ и, не по лѣтамъ, сообразительнымъ; Любовь обладала необыкновенною силою воли, для которой не существовало никакихъ препятствій. Любовь питала къ христіанству чувство самой искренней и пламенной любви. Принявъ христіанство съ такими свойствами и расположеніями души, Любовь, съ благословенія матери игуменьи, подъ руководствомъ умной и благочестивой инокини, начала учиться, русской грамотѣ. Любовь истощала всѣ силы, всѣ порывы ума и сердца своего исключительно на то, чтобы ей не по имени только, но на самомъ дѣлѣ быть христіанкою. Трогательно, улитительно воспоминать о тѣхъ опытахъ, въ коихъ выражалась искренность ея вѣры во Христа и любви къ Нему, а съ Нимъ и ко всему христіанству.

Зачѣмъ ты, Люба, въ церкви становишься на этомъ мѣстѣ, гдѣ тебѣ не такъ удобно молиться, не такъ спокойно и стоять?—мѣсяца два спустя послѣ крещенія, я спросилъ ее въ церкви, гдѣ, послѣ службы, кромѣ ея и церковницы никого уже не было.—«Но, батюшка, моя (я) тутъ стояла, когда крестилась. А вонъ еще видишь твоя (ты)», сказала она, указавъ рукою на образъ Маріи Магдалины, при снятіи Господа со креста, лобызавшей ноги Его,—«мама келейная мнѣ все сказала. И моя бы все, все такъ, Господи...» наклонивъ голову и распростерши руки, севозъ слезы и съ ангельской улыбкой произнесла она. Переведите этотъ отвѣтъ ея на русскую рѣчь, вдумайтесь въ него поглубже,—и вы удивитесь его смыслу, вы умилитесь передъ святинею и силою чувства той, которая, застигнутая врасплохъ, отъ полноты и простоты сердца произнесла его. Крещенная въ этомъ храмѣ, Любовь избираетъ въ немъ и мѣсто для молитвы то самое, на которомъ стояла во время крещенія. Зачѣмъ? Конечно, за тѣмъ, чтобы живѣе и чаще воспоминать тѣ обѣты, какіе при креще-

ніи произнесла она, и по нимъ повѣрять жизнь свою. Но это не все, за что Любовь полюбила мѣсто сіе. Съ этого мѣста, вонъ посмотрите, что виднѣется еще въ верхнемъ поясѣ оконостаса? Поднимите ваши глаза,—и предъ вами откроется прекраснѣйшая и умиленнѣйшая картина изъ исторіи христіанской. Вотъ передъ вами—самъ Онъ—Спаситель нашъ, послѣ крестнаго подвига за насъ, снимаемый со креста и оплакиваемый немногими искренними своими. Вотъ далѣе—группа евангельскихъ женъ, тоже горько плачущихъ. Вотъ наконецъ предъ вами въ слезахъ и одна благочестивая жена, урожденка Магалы. Всею полнотою благодарнаго сердца любя своего Благодѣтеля, изгнавшаго изъ нея семь бѣсовъ, святая эта предъ крестомъ Его склоняетъ свои колѣна, обвиваетъ руками пречистыя ноги Его, вливается въ нихъ устами своими и обливаетъ ихъ слезами самой искренней, самой нѣжной любви. Данная Любви, по благословенію матери игуменьи, келейная *мама* объясняетъ ей значеніе этой картины,—и вотъ чувствительное сердце молодой дѣвушки плѣняется образомъ Магдалининой любви къ Спасителю. Вотъ, по образцу этой-то любви, и ей хочется повергаться предъ Нимъ на колѣна, жить навсегда для Него и всячески выражать любовь свою къ Нему. «И я бы все, все такъ, Господи...». Благоговѣнно мы выслушали эти слова новопросвѣщенной Любви и до глубины души были тронуты ими.

Или вотъ еще случай. Когда прошло нѣсколько дней послѣ крещенія Любви, стала она вдругъ куда-то пропадать. Отлучки эти естественно беспокоили монахиню, подъ надзоромъ которой жила Любовь.

Впрочемъ, не имѣя достаточныхъ причинъ заподозривать питомицу свою въ чистотѣ ея дѣйствій, почтенная мать Н. не рѣшилась огорчать ее прямымъ, тѣмъ болѣе строгимъ, запросомъ: куда безъ позволенія ходитъ она, а только стала наблюдать за нею. И что же открывается? Питомица ея, послѣ долгихъ спросовъ и розысковъ, открыла наконецъ мѣсто, гдѣ хранилась купѣль, въ которой она крестилась. И вотъ, увлекаемая любовію ко Христу, который чрезъ купѣль крещенія призвалъ ее въ чудный свѣтъ свой, она не могла утерпѣть, чтобы хотя на минутку, но каждый день не взглянуть на купѣль свою, не отдать ей чести, не выразить къ ней любви своей. О чемъ думала Любовь у купѣли, какія чувства водновали тамъ ея сердце, это—тайна ея и Божія. Но дѣло по наружности всегда было такъ:

придетъ, бывало, оглянется кругомъ, не подмѣчаетъ ли кто за нею, положить три поклона, обниметъ купѣль со всѣхъ сторонъ, приговаривая при этомъ: «родная ты моя, мать ты моя, радость ты моя» и проч. Нацѣловавшись и наговорившись съ купѣлью, положить опять три поклона и, какъ птичка, быстро, весело выпорхнетъ оттуда. Не правда ли, читатель, эта полнота вѣры новопросвѣщенной, эта искренность и высокая простота любящаго сердца ея—до слезъ умиленны? Тутъ уже нѣтъ мѣста вопросу: любило ли и вполне ли любило то сердце Господа Иисуса, которое такъ пламенно любило и самые бездушные, мертвые предметы, случайно лишь послужившіе къ соединенію его съ сладчайшимъ Иисусомъ?

Но Любовь не одну только купѣль свою любила такъ и чувствовала. Любя Господа Иисуса искренно и пламенно, любила она и чувствовала и всѣхъ и все, что только напоминало ей о ея крещеніи или что служило ея приближенію ко Христу. «Батюшку люблю (люблю), діакона люблю, что крестили меня. Батю и маму крестныхъ люблю. Доски люблю, на которыхъ стояла во время крещенія, зему (землю) люблю, по которой шла къ крещенію». Такъ неоднократно высказывалась она предъ своею матерью келейною. А какъ любила она пѣть: *елицы во Христа крестистесея...*! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала она дней, когда и въ церкви, вмѣсто трисвятаго, поется эта пѣснь! «Люба, скоро и въ церкви это будутъ пѣть», бывало, скажетъ ей *мама* келейная, услышавъ, какъ за работой она поетъ ее.—«Скоро мама? весело спросить она. «Да, скоро». И ждетъ, бывало, не дожидается этого дня. Съ наступленіемъ же его, по обыкновенію, Любовь станетъ въ церкви на своемъ мѣстѣ и стоять, словно млѣть, въ ожиданіи сладкихъ глаголовъ Церкви, съ коими въ душѣ ея соединено было столько завѣтнаго, благодатнаго. Вотъ наконецъ благоговѣнно и стройно хоръ монастырскій огласитъ своды храма желанною и для ея сердца еще такъ свѣжею пѣснію: *елицы во Христа крестистесея, во Христа облекостесея*,—и Люба вспыхнетъ, какъ роза; обыкновенно блѣдноватое лице ея заиграетъ краскою, колѣна задрожать у ней, голова склонится, слезы повиснутъ на рѣсницахъ.... Она готова тогда падать въ прахъ предъ Господомъ Иисусомъ, и дѣйствительно склоняетъ, бывало, предъ Нимъ колѣна свои и, повергаясь ницъ, орошаетъ помость церковный своими слезами. Что въ то время происходило въ ея душѣ,

объ этомъ можно судить частію по ея же словамъ. Вечеромъ, въ великую субботу, пришла она ко мнѣ, по своей духовной надобности. Разрѣшивъ безпокойшес ее недоумѣніе, между прочимъ, я спросилъ ее: весело-ли тебѣ было нынѣ въ церкви? Не задумавшись ни на минуту, она отвѣчала: «нынѣ, батюшка, на небѣ была я, въ раю была, точь въ точь, какъ тогда, когда крестили меня».—Какъ это такъ? съ любопытствомъ спросилъ я.—«Да это просто, батюшка. Когда заплѣли: *елицы во Христа крестистесея, во Христа облекостесея*—вотъ тутъ тепель, тепель сталъ», сказала она, указавъ на сердце. «Оно (сердце) забилъ, игралъ, плакалъ, смѣялся», т. е. сердце забилось, взыгралось, плакало отъ умиленія и вмѣстѣ радовалось. «И сама не знаю, батюшка, какъ нога держала (на ногахъ удержалась)», добавила она.—А понимаешь ли ты, дитя мое, эту пѣснь? «Мнѣ мама келейная сказала, понимаю». Что же она тебѣ сказала? И вотъ она своимъ языкомъ передала мнѣ слѣдующее: «христіане чрезъ крещеніе становятся такъ близко ко Христу, какъ близко тѣло къ одеждѣ, когда одѣвается ею. Христось, если крестившіесея прибѣгаютъ къ Нему съ молитвою, любятъ Его и, по силамъ, исполняютъ законъ Его, согрѣваетъ ихъ сердце благодатію, подобно какъ одежда грѣетъ тѣло. Потому-то мама сказала мнѣ, чтобы и я, когда или сама пою эту пѣснь или другіе поютъ, просила у Господа благодати любить Его и исполнять законъ Его. Христось защищаетъ вѣрующихъ въ Него отъ нападеній сатаны, какъ одежда защищаетъ тѣло наше отъ непогоды и предохраняетъ отъ разныхъ болѣзней. И наконецъ—Христось какъ Самъ непороченъ былъ предъ небеснымъ Отцемъ своимъ, такъ равно дѣлаетъ непорочными предъ нимъ и всѣхъ истинныхъ послѣдователей своихъ, нравственные недостатки ихъ прикрывая искупительными страданіями своими, подобно тому, какъ чистая одежда закрываетъ тѣлесную нечистоту, даже и недостатокъ, природный ли то, или случайный». Выслушавъ такое объясненіе, признаюсь, я равно подивился *мамѣ* и духовной дочери ея, и возблагодарилъ Господа, умудряющаго младенцевъ. А сама ты крѣпко любишь Господа? спросилъ я Любовь подъ вліяніемъ услаждавшаго меня впечатлѣнія.—«Мама родная для Него здѣсь пропалъ», быстро отвѣтила дѣвушка, указавъ на свое сердце.

Всю жизнь Любви въ нашей обители можно раздѣлить на двѣ равныя половины: на время здоровья и время болѣзни. Первые полто-

ра года, Любовь больше или меньше была еще здорова и училась; другіе была серьезно больна и готовилась къ смерти.

Много требовалось благоразумія, при обученіи Любви. По природѣ пылкая и легко воспримчивая, она съ каждымъ днемъ требовала новаго. Придерживаться обыкновенныхъ правилъ духовной экономіи, при обученіи ея, было сначала крайне затруднительно. Это была нива, необыкновенно тучная и плодоносная. Нужно было не только сѣять на ней чаще, но и мѣнять сѣмена и разнообразить приемы сѣянія.

По благословенію преосвященнаго Теофилакта и матери игуменіи, весною въ первый годъ по крещеніи, Любовь совершила путешествіе въ Кіевъ. Въ теченіи перваго полугодія, мать ея келейная хорошо ознакомила ее съ Евангеліемъ. Кромѣ того, каждый день читала она для Любви или рассказывала жизнь дневнаго святаго. Въ тоже время, Любовь усердно училась грамотѣ и разнаго рода рукодѣлію. Путешествіе въ Кіевъ, предпринятое ею въ видахъ религіозныхъ, а частію и гигиеническихъ, не произвело на нее впрочемъ особенно сильнаго и благотворнаго вліянія. Любопытно выслушать отзывъ, каковой, по пріѣздѣ, дала она о Кіевѣ. «Хорошъ-то, хорошъ Кіевъ», сказала она, «только ужъ слишкомъ людентъ, шументъ. Глазамъ тамъ просторъ, сердцу было тѣсно: молиться было трудно. У насъ», добавила она, «несравненно лучше». За то чтеніе Евангелія и житій святыхъ производило на Любовь благодатное дѣйствіе, принося сердцу ея неизъяснимую сладость. Изъ чтеній евангельскихъ трогали ее особенно тѣ мѣста, въ коихъ выражалась либо любовь Господа къ страждущимъ душою и тѣломъ, либо наоборотъ благодарная любовь исцѣленныхъ страдалцевъ къ самому Господу. О Маріи Магдалинѣ Любовь не могла слушать безъ умиленія. Чтенія о страданіяхъ Господа Иисуса всегда вызывали изъ глазъ ея обильныя струи слезъ. Минута, въ которую Господь отверзъ запекшіяся кровію уста свои и промолвилъ: *жажду*, — минута, когда съ креста воззрѣлъ Онъ на Мать свою и возлюбленнаго Іоанна, стоявшихъ при Немъ, — минута, наконецъ, когда среди общей вражды къ Нему, кипѣвшей около креста Его, изрекъ Онъ въ молитвѣ слово любви о самихъ распинателяхъ своихъ, — это были такія минуты въ евангельскихъ чтеніяхъ для Любви, въ которыя она не плакала только, но и трепетала отъ ужаса и умиленія. Изъ житій святыхъ особенно трогали Любовь чтенія о св. великому-

ченицѣ Варварѣ. Къ этой св. дѣвѣ относилась она съ самыми нѣжными чувствами сердца. Любя ее искренно, желала она взаимно пріобрѣсти и ея любовь и небесное покровительство. Выучившись вышивать, Любовь изготовила для продажи священнической поясъ. Когда же поясъ былъ проданъ, и за него принесены были деньги, трудно передать радость, съ какою Любовь приняла эти деньги. «Чему ты радуешься?» спросила ее келейная *мама*. «Какъ чему, мама? Тому именно, что у меня теперь есть свои денежки, и я могу сдержать обѣщаніе, какое дала святой Варварѣ». «А что ты обѣщала ей?» — «Я обѣщала первую трудовую копѣйку отдать ей», весело сказала дѣвушка. — «Что это значить?» — «Экая ты, мама, недогадливая! Мы закажемъ хорошую икону великомученицы, и вотъ она всегда, будетъ съ нами»... «Но, дитя мое», замѣтила мать келейная, «для того, чтобы святая Варвара была съ нами, иконы-то ея недостаточно: надобно, чтобы мы сердцемъ приближались къ ней самой и старались подражать ея любви къ Господу». — «Такъ-то, такъ, мама, да видишь какія мы слабыя, часто забываемся, а икона-то все таки будетъ напоминать намъ какъ объ ней самой, такъ и о любви ея ко Христу». Дѣйствительно, икона св. великомученицы Варвары, согласно обѣщанію Любви, была немедленно заказана и написана. Услышавъ объ особенной привязанности Любви къ великомученицѣ Варварѣ, я однажды спросилъ ее: за что ты такъ любишь св. Варвару? — «За то, батюшка, что она много любила Христа и много страдала за Него; притомъ еще и сама-то она слишкомъ милостива и жалостлива къ намъ». Желая узнать, понимаетъ-ли Любовь, что говорить, я спросилъ ее: какъ милостива и какъ жалостлива? Почему это ты знаешь? — «Да какъ же не жалостлива и немилостива, когда за страданія свои позаботилась испросить себѣ у Господа паче всего благодати — спасать отъ напрасной смерти всѣхъ, кто только съ благоговѣніемъ будетъ воспоминать честныя страданія ея? А для насъ что можетъ быть выше и нужнѣе этого дара?» — Но сама ты, дитя мое, чѣмъ нибудь стараешься подражать св. Варварѣ? — «Чѣмъ же, чѣмъ я могу подражать ей?» быстро и печально отвѣтила дѣвушка. «Варвара на жертву Господу принесла славу своего рода, богатство и блестящую будущность, а я что могу принести Ему? Кромѣ бѣднаго сердца у меня ничего не было, нѣтъ, и, вѣроятно, не будетъ». — Его-то, — сердце-то свое и отдавай на жертву Богу, и будешь близка къ св. Варварѣ, замѣтилъ я.

Вообще, чтеніе Евангелія и житій святыхъ было самымъ могущественнымъ орудіемъ въ духовномъ обученіи и воспитаніи Любви. Подъ благодатнымъ дѣйствіемъ слова небснаго и примѣровъ жизни святой, непримѣтно для ней самой, сердце ея перерабатывалась, очищалось, освящалось и благоухало святыею и чистотою чувства. И такъ искренно привязалась Любовь къ чтенію, такъ сладостно оно было для ея сердца, что читаемая наприм. въ вечеру книга становилась обыкновенно на цѣлую ночь какбы ея подругою, дорогою гостьею. Положить, бывало, ее на грудь къ себѣ, или, развернувъ, поставить къ стѣнѣ передъ глазами и... такъ заснетъ въ постелькѣ. «Это—мои учителя и хранители; это—дорожка ко Христу и на небеса»: такъ часто высказывалась Любовь о книгахъ новаго Завѣта и житій святыхъ.

Воспитываемая такимъ образомъ подѣ влияніемъ Евангелія и примѣровъ жизни святой, понятно, Любовь воспитывала въ себѣ и евангельскія добродѣтели и свойства святыхъ.

Какъ наприм. любила молиться она! Какъ усердно и разумно молилась она! Правда, еще отецъ Любви, познакомилъ ее съ молитвою въ трущобѣхъ лѣса, или подѣ навѣсомъ скалы: но то было въ первыхъ лѣтахъ ея отрочества. Неосмысленное съ ея стороны сознаніемъ предмета, побужденій и цѣлей молитвенныхъ, положеніе то, безъ сомнѣнія, скорѣе было дѣтскимъ подражаніемъ отцу. Съ возрастомъ лѣтъ и смысла, и особенно подѣ влияніемъ свѣта Христова, искра молитвы обратилась въ Любви въ пламя: молитва стала потребностію души, молитва уединенная—наслажденіемъ. Вскорѣ же послѣ крещенія, отыскавъ по душѣ себѣ подругу, однихъ съ нею лѣтъ и одинаковыхъ нравственныхъ склонностей, Любовь для молитвъ часто уединялась съ нею подѣ тѣнь вѣтвистыхъ, тутъ же въ монастырской оградѣ, вблизи церкви, растущихъ деревьевъ. Питомицѣ горныхъ ущелій и темныхъ лѣсовъ, Любви вообще нравились мракъ и уединеніе. Услышавъ же что ночная молитва есть нѣкоторое въ своемъ родѣ подражаніе славословію ангеловъ, выну славящихъ Господа, Любовь съ подругою своею для молитвы уединенной стала избирать черѣдко полночь. Эти ночныя отлучки подругъ продолжались до тѣхъ поръ, пока одно обстоятельство не обнаружило ихъ и не положило имъ конца.

Такъ, когда въ одну изъ подобныхъ отлучекъ, послѣ нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ, Любовь хотѣла было стать на колѣна, съ дерева,

подѣ вѣтвями коего она стояла, бросился ей прямо въ лице котъ большой величины и исцарапалъ оное. Испуганная и исцарапанная, она едва дошла до кельи. Когда стало извѣстно это обстоятельство, то нашли нужнымъ строго воспретить ей ночныя отлучки и вмѣстѣ внушить, что въ обители все, даже доброе и святое, должно дѣлать не иначе, какъ по совѣту и благословенію старшихъ. «Но», кротко возразила дѣвушка, «поступали же такъ, какъ и я, угодники Божіи». Для всего, отвѣтили ей, свое время и свой порядокъ. И дѣвушка вполнѣ покорилась волѣ руководителей своихъ, и мѣстомъ ея молитвы стала церковь, да келья. Въ кельѣ Любовь до болѣзни своей читала утреннія и вечернія молитвы всегда вслухъ медленно и четко, вдумываясь какбы въ каждое слово молитвы. Молиться такъ научила ее келейная мать. По ея собственному завѣренію, такого рода молитва до того была благотворна ей, что, послѣ нея, всякое горе исчезало у ней и всякій разъ какбы обновлялась она. Церковная молитва Любви отличалась глубокимъ благоговѣніемъ и вниманіемъ. Какъ вкопанная, бывало, стояла она на молитвѣ: глаза ея чаще были потуплены, щеки то горѣли румянцемъ, то были блѣдны, какъ полотно. Понимаешь-ли ты, дитя мое, силу и достоинство молитвы? однажды, послѣ службы, я спросилъ ее по поводу замѣченнаго мною глубокаго самопогруженія ея во время службы. «Не знаю, батюшка, и сама, такъ ли я молюсь, какъ слѣдуетъ. Только въ молитвѣ я стараюсь держаться правилъ, какія внушила мнѣ матушка П...»—А какъ она учила тебя молиться?—«Да она сказала, чтобы я, прежде чѣмъ стану молиться, приготавлилась къ молитвѣ размышленіемъ».—Напримѣръ?—«Напримѣръ когда я намѣрена чего нибудь просить себѣ у Господа, то должна сперва размыслить передъ этимъ, какъ бы усердно и умиленно стала я просить чего либо у своего отца или матери, особенно, если то, чего просить надо, для меня необходимо. Равнымъ образомъ, когда я хочу хвалить или благодарить Господа, должна напередъ представить себѣ, какъ бы искренно и полно я стала благодарить и всегда благодарила бы того моего благодѣтеля, который не только спасъ мнѣ жизнь и все дорогое въ жизни, но не перестаетъ украшать и окружать ее всякаго рода удобствомъ и довольствомъ. По смыслу этихъ правилъ, я и стараюсь устроить свое сердце для молитвы, а равно держать его во время молитвы. Этихъ же правилъ я придерживаюсь и въ церкви:

жалъ только, службу-то еще не совсѣмъ понимаю». Въ знакъ полнаго моего и сердечнаго удовольствія, отъ всей души моей благословилъ я Любовь, и поблагодарилъ Господа, пекущагося о ней.

Любила Любовь и постъ, и вообще старалась приобрѣсти боголюбное воздержаніе. Называя постъ вторымъ крыломъ души, Любовь часто повторяла слова знаменитой матери въ обители нашей П... кто молится, но не постится, тотъ обманываетъ себя, если думаетъ, что дѣлаетъ много. Какъ птица обь одномъ крылѣ, такъ и человѣкъ безъ поста и воздержанія. Онъ можетъ только по временамъ биться и встрепенуться отъ сокрушенія или пожалуй, временно нѣсколько и приподняться отъ умиленія, но никогда не полетитъ къ небесамъ молитвою ровною, терпѣливою, Богу вполне преданною. Чрево не отпуститъ его сердца отъ себя надолго и далеко.

Слѣдуя во всемъ келейной матери своей, Любовь не пила и чаю раньше 11 часовъ. Благоговѣнно смотря на жизнь иноческую, она довольствовалась всегда общею пищею монастырскою. Во время болѣзни, правда, Любовь иногда обращалась ко мнѣ за разрѣшеніемъ ей мясной пищи, и, безъ сомнѣнія, всякій разъ получала это разрѣшеніе. Но за то всякій же разъ была и не довольна собою, строго упрекая себя въ нарушеніи строя иноческой жизни. Вѣдь ты, дитя мое, разрѣшила постъ по болѣзни, поэтому смущаться тебѣ и беспокоится не слѣдуетъ, въ утѣшеніе однажды я сказалъ ей. «Такъ-то, такъ, батюшка, но гдѣ же вѣра-то въ Бога, гдѣ надежда на Его помощь и терпѣніе? Разъ разрѣшишь», продолжала она, «по болѣзни одно, въ другой—другое, а тамъ непременно ослабѣешь и во всемъ. По моему, батюшка, въ монастырѣ нельзя жить иначе, какъ только по монастырски». Эта дивная натура всѣми своими дѣйствіями стремилась къ образцамъ высокой жизни и неуклонно старалась слѣдовать правилу, закону. Бла Любовь мало, почти какъ ребенокъ. Въ посты великій и успенскій,—въ цѣлыя сутки ѣла одинъ разъ, только вечеромъ. Когда же готовилась къ принятію св. Христовыхъ таинъ, то переносила иногда постъ свой и на другія сутки. Но, отъ молодости ли, или отъ природнаго недостатка тѣлесныхъ силъ, слишкомъ изнурялась она отъ такого пощенія. Къ концу дня, бѣдная, едва-едва, бывало, передвигаетъ ноги. Пока сама не попроситъ, мать келейная и не говори ей о подрѣшеніи. Не то закидаетъ вопросами: «а грѣхъ, мама? а соб-

лазнь? Когда же я буду учиться доброму и привыкать къ нему? А тебѣ развѣ хочется, мама, чтобы въ монастырѣ я была мірскою?» Благодареніе Господу, обитель наша не скудна постницами. Есть въ ней и такія старицы, которыя, во время говѣнья, несутъ строжайшій постъ, чрезъ всю недѣлю не позволяя себѣ ни крохи хлѣба, ни капли воды. Не пыталась Любовь поравняться съ ними въ подвигѣ поста, но и изъ виду никогда не теряла ихъ. «Съ старицами-то, батюшка, очевидно, я не могу сравняться», такъ однажды высказалась она на мое замѣчаніе относительно ревности не по разуму, «но за ними-то, хотя и потихоньку, все таки должна идти: иначе не за чемъ и жить въ обители». О, если бы эти строки хоть кому либо изъ искателей или искательницъ жизни монастырской послужили спасительнымъ урокомъ, внушивъ имъ—искать обители собственно для жизни и совершенства иноческихъ, а не для праздности и покоя!

Знала Любовь отчасти и тайну храненія сердца. Да, на долго въ обители останется памятнымъ кнутъ ея. Говоря о состояніи сердца Любви, навѣрное можно утверждать, что Любовь не извѣдала на себѣ грубыхъ страстей, особенно плотскихъ. Отъ этого оберегали ея сердце самыя обстоятельства жизни. Тяжелая семейная нищета съ самыхъ раннихъ лѣтъ ея, общее семейное рабство послѣ смерти отца,—смерти сколько трогательной, столько же вмѣстѣ и ужасной, невольническое разсѣяніе членовъ родной семьи по разнымъ странамъ и мѣстамъ свѣта, разлука ея самой съ матерью и печальный побѣгъ на родину отца, помѣщеніе прямо въ монастырѣ и вслѣдъ за тѣмъ крещеніе въ стѣнахъ его, вдохновляющая обстановка жизни монастырской, высокіе живые образцы жизни иноческой и наконецъ величественное богослуженіе монастырское—все это вмѣстѣ были такіе событія въ жизни Любви, которыя, охлаждая въ ней кровь, естественно, въ самомъ еще зародышѣ, убивали мечты юности, рвали связи ея съ міромъ, такъ для нея непривѣтливимъ, и направляли ея сердце къ міру другому, къ наслажденіямъ духовнымъ. Дѣйствительно, съ принятіемъ крещенія, Любовь не долго думала о выборѣ для себя рода жизни: она скоро изъявила желаніе остаться навсегда въ обители. Утвердившись же въ обители, Любовь жила въ буквальномъ смыслѣ впечатлѣніями такъ понравившейся ей новой жизни монастырской, и всѣми силами души старалась изучить и усвоить истины христіанской религіи.

А тамъ застигла ее болѣзнь, отъ которой и умерла. Само собою понятно, при такихъ обстоятельствахъ жизни, дѣвушка и на короткое время едва-ли могла забыться, а тѣмъ болѣе увлечься до страсти. Не смотря на то, у насъ съ нею было однако свое горе и немалое. По неопытности въ духовной жизни, дѣвушка не знала, что благодать Божія не навсегда дѣйствуетъ въ нашемъ сердцѣ, а напротивъ, по временамъ, оставляетъ подвижника и самому себѣ, лицомъ къ лицу поставляя его съ своею человѣческою немощію и убожествомъ. Цѣль такого дѣйствія Божія по отношенію къ человѣку, безъ сомнѣнія, духовная польза самого же человѣка, именно, чтобы онъ, изъ противоположности состояній извѣдавъ глубже свою немощь и убожество тѣмъ болѣе дорожилъ даромъ Божиимъ, тѣмъ бдительнѣе и ревностнѣе хранилъ свое сердце, какъ главное вмѣстилище благодати, и, вразумленный опытами и своего личнаго ничтожества, тѣмъ снисходительнѣе смотрѣлъ на другихъ и благодарнѣе относился къ Господу Промыслителю. Дѣвушка чувствовала по временамъ недостатокъ теплоты и даже совершенное охлажденіе на молитвѣ. Дѣвущку смущали иногда незваные помыслы, непрошенные образы. Отецъ злобы и зависти съ такою силою разъ напалъ на нее и мучилъ цѣлыя трое сутокъ, что она, выбившись изъ силъ въ одиночной борьбѣ съ нимъ, наконецъ прибѣжала ко мнѣ и съ откровенностью ребенка, произнесла: «батюшка, я погибаю, перестала почти молиться, дурные помыслы одолѣли, одинъ другого хуже лѣзутъ въ душу, совершенно разбиваютъ меня». Выслушавъ дѣвущку, я спросилъ ее, улыбнувшись: помыслы нападаютъ, а сердце твое имъ двери отворяетъ и, пожалуй, готово имъ и ключъ отдать отъ своихъ сокровищъ? «О—нѣтъ, нѣтъ, батюшка», съ горечью и поспѣшно отвѣтила дѣвушка. «Я пугаюсь ихъ, стыжусь, ненавижу, отгоняю молитвою, размысленіемъ, но нисколько не успѣваю. Вотъ, вотъ будто стихнуть на минуту, а тамъ, посмотришь, опять нахлынуть, и даже съ большею силою. Не знаю, что и дѣлать: погибну я, не потерпитъ меня Господь за такую нечистоту помысловъ». Погибели тутъ я еще не вижу, и наказывать тебя Господу, по моему разумѣнію, еще не за что.—«Какъ не за что»? скороговоркою возразила дѣвушка. «А за нечистые помыслы»?—Да они развѣ твои?—«Чьи же, батюшка»?—Конечно, чужіе, наносимые тебѣ извнѣ, лицомъ постороннимъ, враждебнымъ, словомъ—дьяволомъ. Дѣвушка вздрогну-

ла. Стыдъ, испугъ, продолжалъ я, ненависть, сопротивленіе, съ твоей стороны борющимся тебя помысламъ, и наконецъ—размысленіе и молитва, какъ оружія противъ нихъ—вотъ это—твое, а самые помыслы, которыхъ ты пугаешься, и которые ты ненавидишь и отгоняешь отъ себя, очевидно, не твои, но смрадное дыханіе вблизи тебя злаго существа.—«Но, батюшка», возразила дѣвушка. «я вѣдь чувствую, что все это происходитъ во мнѣ».—Такъ только кажется тебѣ, дитя мое, замѣтилъ я. Не мы иногда поемъ скверную пѣсню, или ведемъ дурной разговоръ; но тѣмъ не менѣе растлѣвающей смыслъ пѣсни и разговора иногда возмущаетъ нашу душу, проникаетъ въ наше чувство, дѣйствуетъ даже на самую кровь. Но что тебѣ теперь дѣлать?—спросишь ты. Главное ты уже сдѣлала, дитя мое. Пришла къ духовнику твоему и открыла ему твое душевное состояніе. Врагъ теперь открытъ, и, полагаю, нападеніе, съ его стороны, будетъ ослаблено, потому что въ открытую борьбу вступать онъ не любитъ. Иди съ Богомъ, и не бойся. Я не совѣтую тебѣ даже и скорбѣть при наплывѣ дурныхъ помысловъ, а только душевно плюнуть на нихъ, и, оградившись знаменіемъ креста, отъ всей души призвать себѣ на помощь небесную чистоту—Господа Иисуса и причистую Матерь Его Дѣву Богородицу. Скорбѣть и страшиться, по моему мнѣнію, въ подобныхъ обстоятельствахъ значитъ только потѣшать врага. Этотъ челоуѣкоубійца любить наслаждаться страданіями вѣрныхъ Господу созданій Его. Ненавидѣть діавола, презирать его, плевать на него—вотъ тѣ чувства, съ какими христіанину нужно относиться къ діаволу и всѣмъ его кознямъ. Помнишь ли ты, дитя мое, что ты дѣлала и сама съ нимъ, когда крестили тебя?—«Нѣтъ, батюшка», робко отвѣтила дѣвушка, «не помню».—Какъ, нѣтъ? Припомни-ка, какъ ты дула и плевала на него, когда обратили тебя назадъ отъ купѣли, и ты отрекалась отъ него и всѣхъ дѣлъ его... А этими знаками ты явственно выразила тогда, что діаволь не только—мерзость, на которую стоитъ лишь плевать, но вмѣстѣ и такое малосиліе предъ Христовымъ могуществомъ и нашею вѣрою во Христа, что достаточно съ вѣрою только дунуть на него, и онъ не устоитъ, а стремглавъ убѣжитъ, какъ бѣгутъ воры или лазутчики, коль скоро увидятъ, что ихъ замѣтили, узнали и берутся за оружія.

Черезъ нѣсколько времени я встрѣтился съ Любовью, и съ уча-

стіемъ спросилъ ее: что—помыслы твои, дитя мое?—«Ничего, батюшка», весело отвѣтила она. «Теперь у меня для нихъ есть кнуть, да еще и съ хлопучечкой». Что это за кнуть? И что за хлопучка? спросилъ я съ возрастающимъ любопытствомъ. Дѣвушка прочитала мнѣ молитву святому кресту, съ особенною силою ударивъ на послѣднія слова ея: крестъ—язва демонамъ, а за тѣмъ и молитву Иисусову». «Первая», добавила она, «бьетъ врага, какъ кнутомъ, и наноситъ ему язвы; другая пугаетъ его, какъ плачь слабаго предъ сильнымъ пугаетъ его притѣснителя. Когда мама келейная, узнавъ о моихъ помыслахъ, такъ объяснила мнѣ эти молитвы, съ тѣхъ поръ я и стала называть ихъ—первую кнутомъ, а вторую хлопучечкой. Я часто теперь говорю въ душѣ моей: иди отъ меня дальше, врагъ, и не подступай ко мнѣ; а то больно буду бить тебя, и до тѣхъ поръ буду хлопать, пока не придетъ на помощь ко мнѣ самъ заступникъ мой, Иисусъ Христосъ, предъ коимъ трепещетъ и твоя адская злоба».—А часто ли ты, дитя мое, читаешь эти молитвы?—«Часто, батюшка, часто стала читать, почти что постоянно».—Не трудно это для тебя?—«Сначала было трудновато, а теперь такъ безъ нихъ и скучно». Такъ Любовь положила въ себѣ начало умной молитвы, или духовнаго бодрствованія! Съ помощію этихъ могущественныхъ средствъ, охраняя свое сердце отъ прилоговъ вражнихъ, она наконецъ успѣла воспитать въ себѣ полное презрѣніе къ діаволу и кознямъ его: видный знакъ духовнаго успѣха.

Къ чести Любви вообще надо сказать, что въ монастырской жизни ея не было ни одного случая, болѣе или менѣе важнаго, изъ котораго она не сдумѣла бы, или не захотѣла бы извлечь для себя нравственной пользы. Гдѣ ступила она твердо, тамъ старалась и держаться такъ. А гдѣ оступилась, по новости ли положенія, или по неосторожности,—въ другой разъ тамъ уже была осмотрительна.

Но довольно. Перейдемъ теперь ко времени болѣзни и смерти нашей Любви.

Вполнѣ здоровою Любовь не была въ обители. Тяжкая неволя въ горахъ, новое рабство на пути слѣдованія въ предѣлы Россіи, истязанія и побои тамъ, еще до поступленія въ обитель, надломили здоровье молодой дѣвушки. Перемѣны погоды дѣйствовали сильно на организмъ ея и въ первые полтора года ея монастырской жизни, хотя

все это пока заканчивалось легкимъ только кашлемъ и временною болью въ груди. Поболить бывало, немного, и потомъ снова, какъ птичка Божья, вспорхнетъ весело и прямо съ запросомъ къ мамѣ: «что мнѣ дѣлать, мама? Сегодня чѣмъ заняться?» Весна втораго года сдѣлала рѣшительный переломъ въ ея здоровьѣ и, къ прискорбію, неутѣшительный: въ ней видимо обнаружались признаки чахотки.

Замѣчательный сонъ видѣла Любовь наканунѣ кровохарканья. Ей представилось, что она и келейная ея мать находились однѣ въ новой монастырской церкви. Вдругъ отворяется изъ алтаря дверь, и оттуда выходятъ дѣвицы поразительной красоты. Одна изъ нихъ, по видимому старшая, держала въ рукахъ чашу и, подавая чашу ту Любви, «ней, это отъ великомученицы Варвары». Принявъ чашу, Любовь подала ее келейной матери, но та сказала: «я не буду пить».—А я такъ буду. Святая Варвара прислала: какъ же не пить, мама!—И вотъ въ рукахъ у Любви чаша начинаетъ пѣниться и клубиться, и кровь ли, или вино полились изъ нея черезъ край. Съ этимъ Любовь проснулась. Поутру Любовь рассказала свой сонъ, а передъ вечеромъ открылось у ней кровохарканье. Оно усиливалось въ ней съ каждымъ днемъ. Спустя недѣлю, Любовь и мы всѣ, болѣе близкіе къ ней, стали уже думать, что наступаетъ конецъ ея жизни. Приглашены были доктора,—и они подтвердили наши опасенія, сказавъ единогласно, что у Любви сильнѣйшая и скоротечная чахотка. Въ чайнѣ близости смерти, Любовь пожелала особороваться, и все монастырское старѣйшинство, по этому случаю, явилось у одра ея. Присутствовали тутъ же, временно тогда гостившія въ нашей обители, и одинъ сточетырехлѣтній старецъ. По окончаніи елеосвященія, когда матери стали прощаться съ болящею, въ слѣдъ за ними подошелъ и онъ. Вперивъ въ болящую мутные, почти ничего уже не видѣвшіе, глаза свои, старецъ весело сказалъ: «я такъ, Варварушка, (такъ онъ всегда называлъ Любовь) съ тобою не прощаюсь еще: мы поживемъ. А какая ты хорошая, о, какая ты», воскликнулъ онъ, видимо воодушевляясь, «какая ты прекрасная невѣста! Возму тебя за себя, но не теперь. Мы еще поживемъ врозь: а то еще не всѣ цвѣты въ брачномъ вѣнцѣ твоёмъ»¹⁾.

¹⁾ Старецъ этотъ—казака Александрійской станицы. Похоронивъ сыновей своихъ, вскорѣ одного за другимъ и обезчлѣвъ совершенно, онъ бросилъ свое хозяйство, прожилъ 20 лѣтъ, какъ звѣрь или птица, среди камней въ пустынѣ и, прильпившись къ Господу всею сердцемъ, проводилъ все время въ постѣ и молитвѣ. Я, недостойный, былъ неоднократно самъ свидѣтелемъ благодатныхъ опытовъ его прозорливости и исцѣленій. Блаженный старецъ сей скончался на самый день успенія Божіей Матери 1865 года, за три дня до смерти Любви.

Дѣйствительно, послѣ елеосвященія, кровохарканіе у Любви было приостановлено, и она вскорѣ поднялась. Но и теперь, какъ и послѣ, кое какъ поднималась Любовь только до наступленія дурной погоды. Такъ продолжалось полтора года, до самой кончины.

Съ удивительнымъ хладнокровіемъ смотрѣла Любовь на разстроивавшееся свое здоровье и приближающуюся смерть. До послѣдняго дыханія сохранила она веселое расположеніе души, силу мысли и назидательность слова. Прислужившая ей, во время болѣзни, одна изъ подругъ ея, увидѣла разъ много крови въ тазу и испугалась. «Чего ты пугаешься?» спросила ее больная.—Та безмолвно указала ей на кровь, и заплакала.—«Чего жъ теперь пугаться то? А плакать и вовсе не о чемъ. Обыкновенное дѣло—извергается въ свое мѣсто то, что въ насъ не стоитъ другаго, лучшаго мѣста. Развѣ ты не слышала, какъ читала мама келейная: *плоть и кровь царствія Божія насльдити не могутъ*. Эхъ сестрица, голубушка, если бы мы больше думали о небѣ и тамошней вѣчной жизни,—мы не жалѣли бы столько того, что связываетъ насъ съ этою жизнію временною и что порою такъ ужасно возмущаетъ нашу душу». Тронутый тяжкими страданіями Любви, я однажды сказалъ ей: ты, я думаю, дитя мое, желала бы и умереть.—«О, нѣтъ, нѣтъ», быстро отвѣчала она. «Я боюсь своихъ желаній».—Но ты тяжело страдаешь, замѣтилъ я.—«Такъ чтожь? Чаши, которая дана мнѣ, развѣ я не должна пить? Не вы ли сами, батюшка, учили меня во всемъ покоряться волѣ Божіей! Вотъ, по силамъ моимъ, я и стараюсь быть покорною Господу. Выдумывать же своихъ желаній я страшусь. Пусть исполняется надо мною, что угодно Господу!»—А если Господь подниметъ тебя, послужишь ли ты Ему съ прежнимъ усердіемъ? спросилъ я, желая узнать точнѣе ея внутреннее настроеніе.—Дѣвушка задумалась при этомъ, и слезы навернулись на ея глазахъ.—О чемъ ты плачешь, дитя мое?—«Какъ о чемъ, батюшка? Мнѣ стыдно стало за себя. Вы спрашиваете: стала ли бы я служить Богу съ прежнимъ усердіемъ, если бы выздоровѣла? Но развѣ когда нибудь я служила Богу? Развѣ матушки-то наши такъ служатъ Ему?»—Но, дитя мое, прежде цвѣта не растутъ же плоды. Ты молода и могла быть только въ цвѣтѣ духовной весны, а матушки—въ полномъ, зрѣломъ возрастѣ, и потому, по самому порядку времени, благодатію Божіею зрѣютъ уже. Дѣвушка слегка улыбнулась

и прознесла тономъ рѣшительнымъ: «нѣтъ, нѣтъ, батюшка, этимъ вы меня не утѣшите, А вотъ чѣмъ дѣйствительно утѣшили бы... если бы вы—общали мнѣ теперь крѣпкимъ словомъ пастыря и отца, молиться обо мнѣ, по смерти моей. Я чувствую, что мнѣ уже не встать». Тронутый до слезъ просьбою готовящейся къ смерти дѣвушки, я далъ ей честное слово пастыря и отца—молиться о ней до своего гроба,—и она съ глубочайшею любовію поцѣловала мою руку.

Въ теченіи полтора годичной болѣзни Любви, никто не слышалъ изъ устъ ея слова ропотнаго. Въ минуты самыхъ лютыхъ страданій у ней всегда былъ одинъ отвѣтъ: «такъ Богу угодно», или: «мало, надо бы больше».—Зачѣмъ ты такъ говоришь? замѣтила ей разъ мать келейная, не довѣряя искренности ея словъ.—«Какъ, мама, зачѣмъ? Скотина знаетъ своего хозяина, благодарна ему за кормъ, ласки и уходъ; а человѣкъ часто хуже скота бываетъ въ отношеніи къ своему Создателю, Промыслителю и Искупителю. Эхъ, мама, какъ подумаешь хорошенько, такъ очень стыдно становится за себя и за свою жизнь. Но, слава Богу, что Онъ здѣсь посѣщаетъ насъ хоть малыми скорбями...».

Полтора года болѣла Любовь, и во все это время въ строжайшемъ смыслѣ готовилась къ смерти. Черезъ каждыя двѣ недѣли аккуратно исповѣдывалась она и причащалась святыхъ Христовыхъ таинъ. Молитвою умною готовилась къ тайнѣ, молитвою умною и блюла небесное сокровище тайны. Молитва умная, смѣняемая размышленіемъ, можно сказать, составляла теперь стихію, которою дышала Любовь подъ конецъ жизни. А мысль ея чаще всего неслась къ кресту Господню.—«Батюшка, а батюшка»,—однажды спросила она меня, когда я пришелъ навѣстить ее,—«не грѣшу ли я?» (тутъ она закашлялась). Чѣмъ? спросилъ я.—«Да я люблю мысленно стоять у креста Господня».—О чемъ же ты мыслишь тамъ?—Да я стараюсь тамъ представить себѣ, какъ Господь нашъ висѣлъ за насъ на крестѣ, какъ уста Его запеклись кровью, гортань у Него изсохла, внутренность Его горитъ, взоръ тухнетъ, голова склоняется, какъ просить Онъ Себѣ воды, а Ему подаютъ желчи. Затѣмъ представляю, какъ подошла ко кресту Мать Его и ученикъ Его, какъ были убиты они горемъ, когда подходили къ Нему и когда стояли передъ Нимъ. Представляю и святую Магдалину, когда она лобызала ноги своего Благодѣтеля,

уже умершаго, а съ нею и прочихъ евангельскихъ женъ. Тутъ мыслено и сама пристану къ нимъ, упаду на колѣна и лобызая пречистыя ноги Его. Сладко, сладко, батюшка, бываетъ тогда у меня на сердцѣ: но не дерзко ли это съ моей стороны? Не скверню ли я ногъ моего Господа прикосновеніемъ къ нимъ нечистой мысли и чувства?»— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, въ восторгѣ сердца сказала я: этимъ ты только освящаешь свои мысли, свои чувства, сораспинаешься Господу и сострадаешь всѣмъ, послужившимъ Ему во время и послѣ смертныхъ томленій Его. Тебѣ самой извѣстно, что великомученицѣ Варварѣ дана благодать спасать отъ напрасной смерти, кто только благоговѣнно будетъ вспоминать честныя страданія ея. Какой же благодати не получить тотъ, кто съ благоговѣнною любовію воспоминаетъ подвѣты за насъ страданія Господа, неисповѣдимо лютыя скорби пречистой Его Матери и Его друзей, въ тѣ минуты судьбы вышнихъ, когда содѣвалось спасеніе человѣческое?

Пока Любовь была въ силахъ, принимала тайны Христовы въ храмѣ. Когда же ослабѣла, стали причащать ее въ кельѣ. Трогательный и утѣшительный обычай существуетъ въ обители нашей для отданія, со стороны ея, послѣдней чести и выраженія любви къ трудно болящимъ чадамъ ея. Это—торжественное шествіе къ нимъ съ чашею Христовою. Тотчасъ же послѣ литургіи, священнодѣйствовавшей въ полномъ облаченіи беретъ святую чашу, диаконъ—свѣчу и кадило, церковница—блюдечко съ антидоромъ и ковшъ съ виномъ, раствореннымъ водою, и въ соупутствіи клира монастырскаго, идутъ къ кельѣ болящей. На пути обители поется одинъ изъ Богородичныхъ, чаще же Богородиченъ гласа. Но на пути къ болящей Любови горячая любовь къ ней сестеръ—кливошанокъ всегда влагала во уста ихъ именно тотъ самый, съ какимъ онѣ отъ купѣли провожали Любовь въ покой матери игуменіи. Глубоко знаменательныя слова его: *и заблудшее ирожищное обрѣтъ овца, на рамо воспріимъ, ко Отцу принесе*—всегда приходились у нихъ въ ту минуту,—особенно трогательную и торжественную, когда, съ дверями сердца у болящей, отворялись настѣжь двери корридора и кельи предъ святою чашею Завѣта новаго и всѣ встрѣчали ее—сію чашу любви,—поверженныя ницъ. Нельзя было безъ умиленія смотрѣть тогда на эту агницу, среди горныхъ ущелій Господомъ Иисусомъ взысканную, на рамо Его воспріятую и во очію на-

шею къ небесному Отцу своему принесенную. Приподнявшись съ полу, едва, едва дышетъ, бывало, бѣдненькая, отъ болѣзни и полноты чувства. Скрестивъ руки на груди, стоитъ, бывало, она предъ чашею Христовою; вся—трепетъ, покорность, любовь и смиреніе. Не могъ и я, недостойный, преподать Любви тѣло и кровь Христову безъ слезъ; не видѣлъ въ эти минуты безъ слезъ и ни одной кливошанки. Воистину, высоко умилительныя то были минуты! Благоухаютъ онѣ сердцу и доселѣ, при одномъ воспоминаніи о нихъ!

За полгода до смерти, Любовь пожелала особороваться во второй разъ и немедленно сподобилась сего таинства.

Наступила весна 1865 года, и мѣсяць мартъ окончательно разстроилъ здоровье Любви. Въ маѣ и іюнѣ, правда, Любовь выходила еще изъ кельи, но уже съ величайшимъ трудомъ, и то только на крыльцо, въ ясную погоду: ослабѣла слишкомъ и задыхалась. Съ августа она слегла въ постель, и не вставала: то былъ послѣдній мѣсяць въ ея жизни.

По прибытіи изъ Пятигорска, гдѣ пользовалась цѣлебными водами, не смотря на слабость собственнаго здоровья, мать игуменья посѣтила тотчасъ же навѣстить больную. Трудно передать перомъ ту радость, съ какою умирающая встрѣтила свою крестную мать. Какъ искренно она благодарила ее за призрѣніе ея сиротства и христіанское воспитаніе! Черезъ два-три дня, игуменья снова посѣтила свою крестницу. Говоря о близости своей смерти, Любовь испросила здѣсь у кресной матери обѣщаніе—похоронить ее близъ церкви, въ которой крестилась она, въ той сорочкѣ, въ какую облекли ее при крещеніи и въ послушнической полурясѣ, которую съ такою любовію носила она, накрывъ ея лице и тѣло тѣмъ вуалемъ, коимъ, при крещеніи, была украшена голова ея.

Вотъ наступили и послѣдніе дни земной жизни Любви. Трудно рѣшить, кому больше принадлежали эти дни—землѣ или небу. Бывало, прежде Любовь иногда и сердилась на какую либо изъ жившихъ съ нею сестеръ,—къ чему невольно располагало ее какъ свойство пожирающей ея внутренность болѣзни, такъ и особенность ея пылкой природы, и за это сама она съ горькими слезами всегда осуждала себя. Въ послѣднія же двѣ недѣли Любовь какъ будто вовсе освободилась изъ подъ вліянія своей природы и болѣзни. Ни стукъ дверей, ни

громкій разговор подругъ не производили въ ней и тѣни досады. Она только и знала, что просила у всѣхъ прощенія и молитвъ по смерти. Нѣтъ, то былъ не человѣкъ уже, но ангелъ во плоти!

Въ ночь на 11-е августа, Любовь получила духовное утѣшеніе и подкрѣпленіе. Сонъ ли то былъ знаменательный, или дѣйствительное видѣніе, рѣшить не берусь. Но, какъ рассказала сама Любовь въ тотъ-же день послѣ обѣдни, вслѣдъ за принятіемъ св. таинъ, дѣло было такъ: «Спала ли я, или нѣтъ не знаю. Только, во время утрени, когда въ кельѣ, кромѣ меня, никого не было, я увидѣла вблизи монастыря необычайный свѣтъ и услышала шумъ, подобный шуму лѣса. Свѣтъ и шумъ шли по направленію къ городу. О, Господи, что это такое! въ изумленіи произнесла я. Голосъ отвѣтствовалъ мнѣ: «Матерь Божія идетъ съ небеснымъ воинствомъ». У меня загорѣло сердце неодолимымъ желаніемъ взглянуть на Царицу небесную и поклониться Ей. Вотъ я начинаю звать Ее къ себѣ. Зайди, зайди ко мнѣ, — сиротѣ, — взывала я, зайди, Мать всѣхъ скорбящихъ! Но голосъ отвѣтствовалъ: теперь некогда. Я стала вызывать изъ сердца моего всѣ сладчайшія имена, какими родъ христіанскій прославляетъ свою Покровительницу небесную, а наконецъ произнесла даже съ горечью: мнѣ трудно слишкомъ, Царица небесная! И вотъ вдругъ свѣтъ и шумъ принимаютъ обратное направленіе, — наполнили всю обитель и предомною явилась величественная Жена. Подошедши ко мнѣ, Она сказала ласково: «тебѣ трудно, бѣдненькая!...» Ты ли Царица небесная, Ты ли Матерь скорбящихъ, которую въ молитвахъ нашихъ призываемъ мы на помощь? спросила я Посѣтительницу, изображала на себѣ знаменіе креста. Если ты, молю Тебя, помоги мнѣ: трудно, очень трудно мнѣ! Отвѣта не послѣдовало. Я стала снова креститься и творить молитву, помышляя въ трепетѣ, не вражіе ли это дѣйствіе, не мечта ли это моя. собственная. Но Посѣтительница, ласково взглянувъ на меня, сняла съ себя верхнюю одежду и сама ею укрыла меня, сказавъ явственно: «тебѣ трудно, бѣдненькая, но скоро будетъ конецъ, и въ тоже мгновеніе стала невидима». Повторяю, не берусь быть истолкователемъ этого событія. Но, имѣя въ виду жизнь Любви, такъ замѣчательную своими судьбами, высокія нравственныя качества души, прибрѣтенныя Любовію въ христіанствѣ, горячую любовь ея къ Богоматери и наконецъ то неизъяснимое спокойствіе и радость, какія

по себѣ оставило это событіе въ сердцѣ Любви, охотиѣе склоняюсь къ мысли, что предъ смертію своею, Любовь посѣщена была именно Матерію всѣхъ скорбящихъ.

15-го августа, послѣ литургіи, Любовь опять была причащена таинъ Христовыхъ, 17-го пожелала снова причаститься; 18-го скончалась. Трогательны и поучительны были предсмертныя минуты Любви. «Матушка, почешу мнѣ въ головкѣ», сказала она матери келейной. Та тотчасъ сѣла подлѣ нея и стала исполнять ея желаніе. (Любовь во время болѣзни была острижена). Черезъ нѣсколько минутъ дѣвушка примѣтно стала дышать труднѣе. Тебѣ потруднѣло, дитя мое, замѣтила келейная ея мать. «Да, да, матушка». Мать вздохнула. «Вдыхаешь ты? Зачѣмъ такъ, родная моя? Я хочу, чтобы ты съ радостію проводила меня туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія». Затѣмъ Любовь устремила взоръ свой на икону распятаго Богочеловѣка. Сидя подле умирающей, мать келейная не сводила съ нея глазъ. Замѣтивъ же, что съ каждою минутою Любовь дышетъ все рѣже и труднѣе, она встала, и, нагнувшись, взглянула ей прямо въ глаза, которые видимо замирали уже на язвахъ Распятаго. «Не смотри мнѣ, матушка, такъ въ глаза»: вотъ послѣднія слова Любви на землѣ! Мать Н. упала тогда на колѣна, а съ нею и всѣ бывшія въ кельѣ. Два, три мгновенія, и Любви не стало: она скончалась... Сами собою, какъ бы во время сна, закрылись ея глаза, такъ много плакавшія на землѣ! Такъ померкъ и замеръ послѣдній взоръ Любви на крестѣ Господа, на крестѣ Того, Кому отъ купѣли до послѣдняго дыханія служила она со всѣмъ пыломъ дѣвственной своей любви! Миръ праху твоему, покорное чадо судьбы Божіихъ! Вѣруемъ и уповаемъ, что тамъ мѣсто дѣвственной душѣ твоей, гдѣ, во славу Сына своего и Бога нашего, царствуетъ добрая Младопитательница дѣвамъ и Невѣстокрасительница душъ святыхъ.

Умерла въ обители двадцатилѣтняя послушница: потеря, кажется, и для обители не великая. Но смерть Любви отозвалась чувствованіемъ утраты и за стѣнами обители. Ни слова, что жалѣли ее многія изъ посѣщавшихъ нашу обитель благочестивыхъ дамъ средняго и высшаго круга г. Ставрополя: скорбѣлъ о смерти Любви даже преосвященнѣйшій Теофилактъ, епископъ кавказскій. Когда по обозрѣніи епархіи, святитель возвратился въ Ставрополь и узналъ о смерти Любви: съ чувствомъ скорби сказалъ онъ: «а я имѣлъ было свои виды на нее. Я думалъ было, что со временемъ она послужитъ намъ въ новомъ монастырѣ, открытъ который чувствуется надобность въ г. Моздокѣ для черкешенокъ, осетинокъ и грузинокъ». Архипастырь лично зналъ послушницу Любовь, и, время посѣщенія обители удостоивалъ ее своего отеческаго вниманія. «Я спрашивалъ, когда былъ у васъ, о

монастырскомъ кладбищѣ между прочимъ и потому, что мнѣ хотѣлось взглянуть на могилу сироты и тамъ помолиться о ней»,—изволилъ сказать мнѣ владыка, чрезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія имъ нашей обители. Архипастырѣ думалъ, что Любовь похоронена на общемъ монастырскомъ кладбищѣ, и былъ радъ, когда узналъ, что она, по распоряженію матери игуменьи, положена не подалеку отъ олтаря того самаго храма, въ которомъ и крестилась.

Скончалась Любовь передъ вечернею. И какъ, во время крещенія, всеблагій Господь не несвидѣтельствованнымъ оставилъ вступленіе въ благодатное царство посредствомъ неизреченнаго благоуханія, какое во храмѣ чувствовали тогда нѣкоторыя избранницы святаго промысла Его; такъ равнымъ образомъ тѣмъ же самымъ знаменіемъ благоволилъ Онъ засвидѣтельствовать и минуты кончины ея. Подъ страшною за неправду отвѣтственностію на судѣ Христовомъ повѣдала мнѣ относительно этого одна благочестивая мантийная монахиня Т... слѣдующее: «Возвращаясь», рассказывала она, «съ послушанія, я наконецъ стала подходить къ своей кельѣ, смежной съ кельею Любви. Вдругъ, чувствую, меня всю обдало тончайшимъ и пріятнѣйшимъ благоуханіемъ. Любовь умерла, или умираетъ. съ благоговѣйнымъ трепетомъ сказала я тогда про себя. Точно, это были тѣ минуты, когда въ кельѣ Любви всѣ стояли на колѣняхъ, безмолвовали, трепетали и молились, и Ангелъ смерти тихо-тихо воспринималъ къ себѣ душу ея».

Торжественно совершено было погребеніе Любви. Отъ юницы до старицы—всѣ окружали гробъ ея. Отецъ ея крестный, почтенный протоіерей г. Ставрополя Теодоръ Поспѣловъ соборнѣ погребалъ ее. Кромѣ монастырской, въ четырехъ городскихъ церквахъ совершали сорокоустъ по усопшей Любви. Честь и благодареніе градскому духовенству, которое умѣло почитать въ Любви не только ея сиротство, но особенное Божіе попеченіе о ней.

Читатель и читательница! Братъ и сестра! Въ Церкви Христовой у Любви нѣтъ родныхъ по плоти: пусть же она будетъ всѣмъ намъ родною, для кого только дорого имя Иисуса и семьи христіанской! Помолимся о ней всѣ: она достойна любви всѣхъ и каждаго, какъ сирота, какъ дочь плѣнника—брата нашего, и наконецъ, какъ истинная и своихъ лѣтъ достойная, доблественная подвижница Христова.

Протоіерей Василій Розалиевъ.

28-го января 1866 года.
г. Ставрополь.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, февраля 22-го 1899 года.

Цензоръ, Протоіерей *Александръ Смирновъ.*

Владикавк. Типо-лит. В. Просвирнина, уг. Слѣпцовск. и Гамназич. ул., соб. д.